

ское завоеваніе окончательно дали различное теченіе ихъ исторіи; новое объединеніе началось не ранѣе второй половины XVII вѣка, продолжалось потомъ въ XVIII-мъ, а старыхъ предѣловъ русской земли въ эту сторону не достигло и по настоящее время. Съ этимъ историческимъ различіемъ соединялось этнографическое дѣленіе «двухъ русскихъ народностей», которое историки южно-русскіе не безъ основанія возводятъ къ первымъ вѣкамъ нашей исторіи. Какъ бы то ни было, но уже въ тѣ долгіе вѣка историческаго раздѣленія, обѣ части русскаго народа приобрѣли весьма различный складъ характера и быта, историческихъ преданій и народной поэзіи. Возбужденіе идей «народности» естественно выразилось въ Малороссіи оживленіемъ всѣхъ этихъ элементовъ, своеобразно отличавшихъ южно-русскую народность. Извѣстно, съ какою враждой встрѣчено было въ одной части нашей литературы это вновь оживившееся «украинофильство», и въ послѣднее время къ его врагамъ присоединились и тѣ, которые обыкновенно хвастаются своимъ исключительнымъ народничествомъ, но въ этомъ случаѣ являлись такими же бюрократическими притѣснителями народнаго начала (хотя первые, подлинныя славянофилы относились къ малорусскому движенію очень сочувственно).

Новѣйшая вражда къ «украинофильству» выросла, конечно, изъ новѣйшихъ чисто бюрократическихъ понятій о «единообразіи», одноформенности, водворяемой хотя бы насильственными средствами... Противники малорусскаго движенія могли бы, пожалуй, сослаться и на старую Москву: она также недовѣрчиво и недружелюбно относилась къ соединившейся съ нею Малороссіи. Московскій абсолютизмъ не мирился съ тѣнью автономіи; іерархія съ подозрѣніемъ смотрѣла на мало понятную и непривычную ей кievскую ученость, и только по крайней необходимости ею пользовалась, — но московскія преданія основательно пережиты исторіей самого русскаго государства и общества.

Новѣйшіе историческіе труды о Малороссіи и XVII вѣкѣ успѣли отчасти выяснить роль старой Москвы, по обыкновенію, не стѣснявшейся средствами въ достиженіи своихъ политическихъ цѣлей; и если исторія отвергнетъ притязанія гетманщины, то должна съ другой стороны сказать слово въ защиту Малороссіи, которая съ первыхъ лѣтъ воссоединенія съ Великой Россіей оказала ей цѣнныя услуги своей кievской школою, поставившей еще въ XVIII столѣтіи много замѣчательныхъ дѣателей просвѣщенія, и потомъ дружно несла свою службу государству, обществу и литературѣ, и въ защиту народа, который взамѣнъ своего ста-